

47

Алексей
ЧУМАКОВ

47

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-90

Оформление и дизайн макета – *Виктория Лебедева*

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается
без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

В книге использованы иллюстрации Алексея Чумакова

Чумаков, Алексей Георгиевич.

Ч-90 47 : [роман] / Алексей Чумаков. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 318, [2] с.

ISBN 978-5-17-093992-3

В ваших руках дневник обычного человека, который случайно стал свидетелем страшного и загадочного происшествия, навсегда изменившего его жизнь. Здесь описана всего неделя, но те кошмары, с которыми ему пришлось встретиться, действительно сводят с ума. Вы окунетесь в мрачную, полную тайн историю, которая ужасает и заставляет задуматься о том, что такое может произойти с каждым.

«Как мало мы знаем! Как часто боимся открыть глаза. И лишь ночью, вздрагивая от еле слышного скрипа двери и чувствуя чей-то взгляд из темноты, мы вдруг осознаем, насколько уязвимы».

Новая книга Алексея Чумакова — блестящий, в лучших традициях Дина Кунца мистический роман, который потрясет самых искушенных читателей и поразит мастерским исполнением даже истинных ценителей жанра.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093992-3

© Чумаков А.Г., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Как мало мы знаем! Как часто боимся открыть глаза. И лишь ночью, вздрагивая от еле слышного скрипа двери и чувствуя чей-то взгляд из темноты, мы вдруг осознаем, насколько уязвимы.

Не так уж много я скрывал в своей жизни. Не столько «скелетов» ютилось в моем «шкафу», чтобы запутаться в собственной лжи или хитрости. Но, видимо, я боялся признаться себе даже в этом.

Я, как и многие, держал под замком в чулане свои чувства, переживания, страхи, беды, словно бешеную тварь в заточении. И это разрывало меня изнутри, желая вырваться на свободу. Порой мне хотелось рассказать обо всем первому встречному, лишь бы начать дышать легко, но я боялся. Боялся быть уязвимым в момент возможной искренности. Боялся стать еще более ненужным — с грузом своих никому не интересных проблем. Боялся в который раз убедиться в безразличии других, потому что и сам не подпускал к себе чужие переживания.

В последнее время многое изменилось, стало каким-то странным, чужим. Все чаще возникает мысль: «Может, все это сон?» Но, увы, здравый смысл берет верх, подтверждая то, что ему же и противоречит. И, поскольку мне не с кем поделиться своей историей, я увидел единственный выход в том, чтобы записать ее. К тому же, не видя глаз собеседника, мож-

но больше рассказать. Не видя глаз, проще защититься — расстоянием или собственным молчанием в ответ. Проще поделиться, признаться, расстаться... Отправляя свою историю в неизвестность — на суд одной или тысячи пар глаз, мне остается лишь верить в то, что кто-то поймет меня.

Изо дня в день я жил привычной жизнью, мало чем отличающейся от банального существования многих и многих других. Работа, дом, попытки хоть как-то развлечь себя, разбавляя будни редкими подобиями праздников, напроць лишенных шика. Так и текла моя жизнь, теряясь в калейдоскопе рассветов и закатов. Но некоторое время назад произошло то, что изменило мои дни и ночи. Нечто не поддающееся логическому объяснению. Во многом я не могу найти взаимосвязь, и мне остается лишь констатировать факты. В этой книге я постарался описать все как можно внятнее, с максимальной точностью и деталями, которые помогут вам представить произошедшее подробно и ясно.

С каждым новым днем я все четче понимаю: порой возможно то, что сложно даже выдумать; то, с чем невозможно смириться; то, что в своей реалистичной противоестественности страшнее любых иллюзий; то, что вдруг меняет твой маленький мир и не дает шанса распутать паутину.

Наступает утро, приходит день, опускается вечер, а за ним и ночь, извлекающая самые страшные мысли из закоулков моего сознания. Я стал бояться смотреть, слышать, чувствовать, словно попал под снежную лавину и перестал понимать, где небо, а где земля.

В тот вечер шел дождь. Черное небо наваливалось на пустые улицы города, разглядывая себя в зеркале мокрого асфальта, наслаждаясь разнообразием собственных форм. Казалось, еще немного — и оно коснется земли.

Я впервые по-настоящему увидел небо. Раньше пасмурные дни проходили мимо меня, как банальная непогода. Лишь сегодня, глядя на тяжелые тучи, я наконец пристально всмотрелся в эту бездну устрашающей бесконечности.

Вечер был необычен во всем, от облаков причудливых форм, меняющихся от ветра, до странных силуэтов людей, исчезающих в пелене дождя между голых, скучных построек. Я увидел, о чем думают деревья, услышал их стоны, похожие на пение.

А эти люди за окном? В тот вечер они двигались заторможенно, как в замедленном кино, будто на улице и не дождь вовсе. Плавно, почти синхронно, поднимая ноги так тяжело, словно на их щиколотках висят грузы, которые становятся все непосильнее с каждым новым шагом. Темные круги вместо глаз, сухие скулы и тонкая полоска плотно сжатых губ делали всех еще более похожими друг на друга. Я вглядывался в их черты и понимал, что вижу одно и то же лицо, помноженное на десятки.

Было 20:00. На календаре красовалась цифра 16. «Шестнадцатое сентября безвозвратно пролетело, — подумал я. — Сегодня меня уже ничто не ждет. Нет ни дел, ни звонков, никакой занятости... Господи, неужели это и есть моя жизнь? Неужели я погряз в рутине настолько, что привык к ней и не вижу в этом и доли болезненности? Не чувствую своим существом ни тени протеста? Не испытываю никаких чувств, обратив все свои рецепторы в сторону инертности и обыденности? Неужели я омертвел, словно онемевшая во сне рука, которая превратилась в болтающийся кусок мяса с рефлекторными попытками сжать кисть в кулак, и вялые усилия пальцев бесполезны, поскольку рука не чувствует собственной жизни?»

Мне стало не по себе. Знаете, как это бывает? Ни с того ни с сего становится плохо. Я подошел к окну, прислонился к стеклу и заплакал.

Выплескивать из себя горечь и растерянность бывает важно и нам, мужчинам, хотя чаще мы стараемся сдерживаться и контролировать эмоции. Я плакал, зная, что, окунаясь в истерику с головой, можно надолго увязнуть в болоте жалости к себе и обиды на окружающих, но иногда это чертовски нужно. Позволив себе несколько минут слабости, я начал потихоньку приходить в себя. Ныло в груди, болели виски и сопел нос. Сквозь биение сердца я слышал, как вместе со мной плакало небо, как его слезы разбивались о холодный асфальт. Шел дождь.

Я стоял у окна своей темной квартиры опустошенный, потерявший счет времени и машинально разглядывал сентябрь с высоты пятого этажа. Мое внимание привлек один силуэт. Он стоял посреди улицы спиной к моим окнам, сунув руки в карманы,

словно крошечная копия человека, плотно вбитая в землю рядом с игрушечным деревом. Во всяком случае, с высоты это выглядело именно так. Дождь беспощадно хлестал его, а ветер теребил полы длинного плаща. Я подошел ближе к окну. Довольно долго фигура оставалась неподвижной, словно каменная статуя. Но вдруг голова дернулась.

Я почувствовал странное волнение, словно что-то должно было произойти именно сейчас. Я ждал, но все оставалось по-прежнему, пока раскат грома не заставил меня вздрогнуть. Взглянув на сверкающую молнию, я отвлекся буквально на секунду и тут же перевел взгляд обратно на силуэт.

О господи... Он стоял все так же спиной, только теперь неестественно запрокинув голову назад, и смотрел прямо в мое окно. Торчащий подбородок и кадык, а ниже — широко распахнутые глаза вызвали отвращение. Казалось, он улыбался. Я медленно отошел от стекла, пытаюсь укрыться от его взгляда в темноте комнаты, но секунду спустя, словно под гипнозом, вновь подошел к окну, и то, что я увидел, заставило мое сердце почти вырваться наружу: все люди, только что шедшие под проливным дождем каждый в своем направлении, сейчас стояли как вкопанные, с неестественно запрокинутыми головами, и с улыбками смотрели в мое окно. Я видел их одинаковые глаза, раскрытые рты, руки в карманах, мокрые плащи, колыхающиеся на ветру. Они были повсюду. Даже сквозь плотную стену дождя я видел еле заметные, застывшие, зловещие силуэты. В глазах потемнело. Я упал на колени и закрыл лицо руками.

СУББОТА, 21 СЕНТЯБРЯ

Это был обычный день. В десять утра меня разбудила соседка и попросила мясорубку.

Знаете, когда утром в субботу к тебе стучится странная женщина в грязном домашнем халате, смотришь на нее в дверной глазок и понимаешь, какую глупость ты сделал, встав с постели и развеяв сладкое пробуждение. И в тот самый момент, когда можно смело возвращаться в постель, ты вдруг зачем-то произносишь: «Кто там?»

— Здравствуйте, это ваша соседка! — послышался глухой голос с обратной стороны двери.

Я нехотя открыл дверь. Передо мной стояла очень старая женщина. Ее неряшливый вид вызывал брезгливость, а растрепанные волосы и неухоженное морщинистое лицо подчеркивали сумасшедшинку в глазах. Глубокие складки вокруг глаз и на щеках давали понять, что она любит улыбаться и, скорее всего, незлой человек. Оттянутые мочки ушей и обвисшая шея также выдавали почтенный возраст. Худые пальцы постоянно поправляли воротник грязного халата и суетливо убирали за ухо выпавшую из растрепанной прически прядь седых секущихся волос.

— Здравствуйте! — ответил я, язвительно улыбнувшись. — Какими судьбами вы к нам?

— Простите, что так рано беспокою, но вы не могли бы одолжить мне мясорубку на денек? Если она у вас есть, конечно.

Соседка мило улыбнулась, при этом ее вставная челюсть достойно удержалась во рту и не выпала на мои тапочки.

— Конечно. Вот только ее надо ополоснуть.

Я направился к кухонному шкафу, ругая себя за излишнюю услужливость.

— Знаете ли... — я начал рыться в кастрюлях, гремя ими и перекладывая друг на друга. — Я ею не пользуюсь, поэтому она немного пыльновата.

Смахнув с мясорубки пыль, я направился в прихожую, но, подойдя к открытой двери, обнаружил, что соседки и след простыл. Я вышел на лестничную площадку, но и подъезд был пуст. В недоумении вернувшись в квартиру, закрыл за собой дверь. Мясорубку положил в прихожей в полной уверенности, что старушка еще вернется, и прошел на кухню. Налил себе сок и несколько минут спустя направился в спальню, предвкушая сладкие потягивания и остаток субботней дремоты под теплым одеялом.

Сок мне выпить не удалось. Открыв дверь, я вскрикнул: у моей кровати, мило улыбаясь и оглядывая спальню, стояла соседка. От неожиданности при виде взъерошенной старухи я выронил стакан.

— Вы очень чистоплотный человек, — заявила она. — Приятно иметь такого соседа! А кто эта женщина на фотографиях? Никогда не видела ее с вами...

Она взяла ближайшее фото в рамке со столика у кровати.

Я был взбешен. Выхватив фотографию и повысив тон, напомнил этой беспардонной старухе, что мя-